Дб
380
Д76
Дружинин
н.М.
"Анна
Васильевна
Якимова"
М., 1926

380
D-76

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„КАТОРГА И ССЫЛКА“

Н. М. ДРУЖИНИН.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЯКИМОВА

Член Исполнит. Комит. Партии «Народная Воля»

№ — МОСКВА — 9—10
1926

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА“

№ 9—10

ДБ
380
Д 76

Н. М. ДРУЖИНИН

923
Д-76

ЧЛЕН ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“

АННА ВАСИЛЬЕВНА ЯКИМОВА

(КОБОЗЕВА)

3064

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1926

3 экз.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Детство и юность 5
2. В народ! 12
3. Вооруженная борьба 24
4. Каторга и ссылка 40

На обложке портрет А. В. Якимовой начала 1880-х г.г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
646548

Москва. Главлит № 66.275. 16.000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Анна Васильевна
ЯКИМОВА
(1925)

I. Детство и юность.

К северу от Волги, ближе к Уральскому хребту, по течению извилистых крутобрегих речек, раскинулся лесистый вятский край. Черемисские поселения перемежаются здесь с русскими селами и деревнями. Сотни лет назад эти суровые дебри были захвачены смелыми новгородцами, жившими свободным республиканским строем. Вольные вятские общины долго сохраняли свою свободу и не сразу покорились московскому самодержавию. Но и позднее, подчинившись насилию, вятчане зажили иною жизнью: здесь не было помещичьих усадеб и не было крепостного гнета. В упорной борьбе с природой слагались сильные и твердые характеры. Воспоминания о временах былой независимости передавались в народных сказаниях и песнях. Крепкое трудовое крестьянство, мужицкий общинный мир сохраняли здесь свое значение в самые поздние царские времена.

В этом далеком северном краю, в одном из сел Уржумского уезда, 12 июня 1856 года родилась будущая революционерка, Анна Васильевна Якимова.

Как многие товарищи-разночинцы ее дней, А. В. Якимова происходила из духовной семьи: ее отец был сельский священник, человек твердого характера и стародавних воззрений. Семья была многодетная и трудовая: с ранних лет маленькая

Анюта обучалась шитью и вязанью, помогала на кухне матери, мыла полы, полоскала на речке белье. Девочка не знала барства и роскоши: кругом была крестьянская народная среда с ее повседневною трудовою жизнью. Дом приходского священника постоянно наполнялся прихожанами: крестьяне шли сюда за советом и помощью, рассказывали здесь о своих радостях и несчастьях. Нередко о. Василий брал с собой дочь в обычные поездки по «требам»: перед девочкой раскрывались тяжелые условия деревенской жизни и полная беспомощность крестьянства в борьбе с болезнями. Эти впечатления заронили в душу ребенка первые семена «народничества»: девочку уже увлекает мечта о помощи крестьянству, желание сделаться фельдшерицей-акушеркой и отдать свои силы страдающей деревне.

Интерес к народу питался и другими источниками. Однообразно-суровую обстановку родного дома прорезал светлый, согревающий луч: таким лучом была няня, вятская крестьянка, которая пробудила к себе горячую любовь в подрастающих детях. Заботы этой женщины, ее рассказы о крестьянском житье-бытье, немудреные деревенские гостинцы и увлекательные народные сказки заполняли воображение и волновали чувство. «Няня была моя главная воспитательница и в то же время—утешительница в треволнениях моей детской жизни»,—вспоминала впоследствии А. В. Якимова.

Так, в обстановке вятской деревни, среди впечатлений крестьянского быта, вырастала будущая революционная народница.

Одиннадцати лет, в 1867 году, девочку увезли в город и отдали в женское епархиальное училище. В прежние времена дочери сельского священника предстояла бы иная судьба: домашнее воспитание, раннее замужество, семейные заботы, замкнутая и однообразная жизнь. Но А. В. Якимова вырастала

в другое время, когда в воздухе повеяло иными мыслями и настроениями. В России начиналась ломка старого крепостного уклада: пало крепостное право, уничтожались обветшавшие учреждения, вводились частичные преобразования в старый самодержавный порядок. Все громче и требовательнее раздавались голоса о необходимости освободить человеческую личность, обеспечить ей широкое и самостоятельное развитие. Надо поднять народное образование и предоставить его не только мужчинам, но и женщинам. Необходимо вооружить будущих матерей знаниями и уменьями,—говорили одни. Этого мало,—прибавляли другие: нужно освободить женщину от сковывающего ее семейного гнета, признать ее право на самостоятельный труд и свободное существование; женщина — такой же человек, как мужчина, и имеет одинаковые права на участие в общественной жизни. Под влиянием таких взглядов в России открываются новые женские учебные заведения, обновляется преподавание, чаще появляются женщины-учительницы, женщины-врачи, женщины-общественные деятельницы.

Отец А. В. Якимовой был человек старых воззрений, но он понимал значение образования и сам подготовил дочь к поступлению в школу. В начале 60-х годов в губернском городе было открыто епархиальное училище для дочерей священников. По всему своему складу оно сильно отличалось от старых духовных школ. Девочек обучали не только катехизису и воспитывали в них не только будущих поповен. Программа Вятского училища была шире программы женских гимназий; обращалось серьезное внимание на физическое воспитание и трудовые навыки. А главное — среди преподавателей были люди новых стремлений, молодые и смелые проповедники личной и общественной свободы. Новые идеи 60-х годов незаметными путями про-

никали в женскую школу и возбуждали молодую проснувшуюся мысль.

А. В. Якимова пробыла в Вятском училище пять лет своей жизни, — годы отрочества и ранней юности, когда складываются характер и взгляды на жизнь. Девочка вырастала окруженная тесной товарищеской средой, впитывала в себя новые, неизвестные прежде впечатления. Особенно сильно было влияние молодой воспитательницы, Анны Дмитриевны Кувшинской. Эта девушка была одной из тех, которых увлекали передовые стремления того времени. Жажда знания и желание применить его к делу—просветить дремлющие умы, найти и показать другим настоящую жизненную дорогу — двигало ее действиями. А. Д. Кувшинская не ограничивалась выполнением школьной программы: она приносила своим ученицам книги по разнообразным вопросам и пробуждала в девушках общественные интересы. Чтение книг и задушевные беседы открывали новый мир и поднимали волнующие вопросы—о жизни, о назначении человека, об его общественном долге, о задачах современной женщины. Часто ночами, когда гасились огни и училище погружалось в глубокий сон, Анюта Якимова с кружком близких подруг тихо вставали с своих постелей. Обернутые простынями и одеялами, они осторожно пробирались в библиотеку, расстилали на пол часть одеял, ставили в середину свечи и, лежа на животе, принимались за чтение. При малейшем движении в коридоре быстро гасили свет. Такая предосторожность была не лишней: епархиальное начальство не одобрило бы их выбора книг—в руках учениц были запрещенные сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского, «властителей дум» тогдашнего молодого поколения; рядом с заветными книжками «Современника» встречались заграничные революционные брошюры.

Эти книги звали вперед, к осмысленной, трудовой жизни, основанной на знании и на служении обществу. Они говорили о необходимости борьбы, о завоевании светлого будущего. Они будили стремление итти в народ — угнетенный и страдающий, но готовый подняться и построить новую лучшую жизнь на началах равенства и свободы.

А. Д. Кувшинская действовала не одиноко: в то время в Вятку ссылали «политических», и в городе существовал кружок молодых революционеров. Особенно сильно было влияние В. Ф. Трощанского, высланного на север за студенческие беспорядки. А. Д. Кувшинская посещала этот кружок, слушала речи Трощанского и постепенно проникалась его воззрениями. В беседах с ученицами она проповедывала те же идеи — служения народу и борьбы за новую жизнь. В конце-концов начальство заметило ее пропаганду и уволило из училища. Но уходя, она не забыла своих юных воспитанниц: она отдала их под покровительство другой учительницы, своей близкой подруги. Попрежнему ученицы сходились на чтения и беседы. Иногда тайком от начальства в училище приходил молодой Николай Аполлонович Чарушин. Он приносил с собой нелегальную литературу и рассказывал девушкам о революционной борьбе европейских рабочих. А. В. Якимова и ее подруги с захватывающим вниманием слушали эти рассказы—о Первом Интернационале, о французской революции, о баррикадах Парижской Коммуны. Далекие европейские события находили отклик в духовном училище глухого вятского края.

Семена нигилизма [1]) глубоко запали в сознание А. В. Якимовой. Кончая школу, она решила пойти

[1]) Нигилизм—отрицание. Этим словом окрестили передовое течение 60—70-х годов его противники: «нигилисты» резко возражали против тогдашних устоев общественной, бытовой и духовной жизни.

в народ—сделаться сельской учительницей и начать просвещение крестьянской массы. Но предварительно она решила прослушать годичные педагогические курсы в Вятке. Родители резко воспротивились этому шагу. Но девушка упорно стояла на своем: она убеждала, доказывала, грозила побегом из родного дома. Столкновения отцов и детей были нередки в эту пору. Две старшие подруги А. В. Якимовой, Кочурова и Чемоданова, уже бежали из-под родительского крова: одна из них сделала это явно, другая вступила с этой целью в фиктивный (поддельный) брак с приезжим студентом. Молодежь стремилась вырваться из семейных оков, уйти из мещанского быта и отдаться широкой идейной работе. Скрепя сердце, родители А. В. Якимовой отпустили ее на Вятские курсы.

Жизнь потекла свободнее, вне глаз училищного начальства. Снова—усиленное чтение, снова—товарищеские беседы, опять—увлекающие речи о революционной борьбе. Молодежь часто собирается в квартире М. Е. Селенкиной, изучает революционную литературу, обсуждает основные вопросы дня. Вспыхивают живые споры, обнаруживаются различные течения. Вятка переживала то же, что все губернские центры России. От неясных и общих идей молодое поколение переходило к разрешению практических вопросов: что делать? как помочь народу? как построить свою деятельность в массах?..

Громадное большинство соглашалось, что мирной, чисто-культурной работой не поможешь крестьянскому горю, не выведешь народ из мрака нищеты, невежества и бесправия. Нужна организованная насильственная борьба, необходима массовая народная революция. Надо итти в народ, чтобы помочь ему организовать революцию. Но как—мнения расходились.

Одни говорили: нужно итти в народ, вооружившись знаниями, начать пропаганду социализма и путем длительной подготовки обеспечить победу грядущей социальной революции. Так рассуждал П. Л. Лавров, один из вождей передовой молодежи. Другие возражали: нужно итти в народ, чтобы возбуждать его к немедленному бунту, к активным массовым выступлениям; учить народ революции нечего—он сам таит в себе революционную правду, он близок к восстанию и не раз поднимался—при Разине и Пугачеве. Он знает, куда ему итти: крестьянский, общинный мир—вот ячейки будущего счастливого строя; вольный союз свободных трудовых общин—вот задача грядущей революции. Так рассуждал М. А. Бакунин, проповедник учения анархизма. Более смелые и решительные примыкали к его воззрениям. Этим «бунтарям» казалось, что Россию минует горькая чаша капитализма. Еще немного—и великая крестьянская революция одним ударом сметет царство эксплоатации и насилия.

А. В. Якимова разделяла мысли и настроения бакунистов. Семнадцати лет, охваченная жаждой широкой революционной работы, она подала прошение в Орловское земство [1]) о зачислении ее на место народной учительницы. Родители пытались удержать ее при себе, отец рассчитывал устроить частную школу в собственном доме. Но молодая девушка не согласилась на этот план. После некоторой борьбы, родные примирились с совершившимся фактом. В августе 1873 года А. В. Якимова покинула родной очаг и двинулась в путь—навстречу новой, самостоятельной жизни.

---

[1]) Орловского уезда, Вятской губернии.

2. В народ!

На полпути от города Вятки к уездному городу Орлову [1]), на большой проселочной дороге, раскинулось село Камышинское. Здесь А. В. Якимова начала свою деятельность учительницы и революционерки. Село было земледельческое, но земля была скудная и плохо кормила население. Крестьяне подрабатывали речными промыслами—летом уходили бурлачить на Вятку и дальше, на волжские и камские берега. Помещичьего гнета не знали, но страдали от тяжелых податей и насилий местной полиции. Крестьянская жизнь текла однообразно, изо дня в день, в условиях мелкого хозяйственного быта.

Сельская школа занимала одну половину большого крестьянского дома; в другой половине, в крестьянской семье, поселилась приехавшая учительница. С осени 1873 года начались школьные занятия. Не ограничиваясь уроками, А. В. Якимова старалась занять ребят и в свободное время. Детский говор не прекращался в течение целого дня: беседовали с учительницей, рассматривали картинки, читали книги. На ряду с маленькими приходили учиться юноши по 15—16 лет, особенно в свободное зимнее время. За детьми потянулись взрослые: кто приходил прочитать или написать письмо, а кто и просто потолковать—о том, о сем. Скоро у молодой учительницы завязались широкие связи по всей округе: раннею весною, по предложению уездного земства, А. В. Якимова стала ходить по деревням прививать оспу. Помимо школьной библиотеки, она завела собственную, с подбором

---

[1]) Теперь Халтуринск (родина революционера Степана Халтурина).

книг определенного содержания о тяжелой народной жизни, о борьбе, о социализме. Привозила из Вятки нелегальные брошюры, присланные из столичных центров. Заводила разговоры о крестьянском житье-бытье, о народных лишениях, о необходимости изменить жизнь. Крестьяне охотно слушали и читали. Особенно ходко шли простые брошюрки, просто написанные, но революционные по своему содержанию: «Сказка о четырех братьях», «Дедушка Егор», «Стенька Разин», «История одного французского крестьянина». Из далекого Петербурга их рассылали по всей России революционные народники из кружка «чайковцев». Крестьяне и сами рассказывали о тягостях своей жизни, откровенно критиковали существующие порядки, сочувственно откликались на живую речь. Но—и только. В глубине души они оставались глубоко пассивными. Рассказы о будущем равенстве слушали, как занятную сказку. Один и тот же припев заканчивал собой все беседы: «Не нами это началось, не нами и кончится». Чем дольше проповедывала молодая народница, тем больше сомнений закрадывалось в ее душу: где же революционность крестьянской массы? почему в народе так мало активности?.. или виновата ее неопытность, ее неуменье подойти к делу? Хотелось поделиться своими сомнениями с товарищами, поехать в столицу, пополнить свои знания и опыт.

Несколько успешнее шло дело с молодежью. Особенно выдавался один юноша, безногий калека, Матвей Хорошавин. В течение года он перечел всю нелегальную библиотечку, серьезно и глубоко продумал содержание всех книг. А. В. Якимова видела, что он неспособен на крестьянскую работу и решила сделать из него полезного работника для родной деревни: отвезла его в Вятку и отдала за плату в обучение сапожнику. На прощанье снаб-

дила его нелегальными книгами, и юноша начал читать их своим городским знакомым. Скоро сапожная мастерская Гаврилы Прокопьева сделалась местом кружковых собраний: сходились, читали, беседовали. Революционные идеи нашли себе ответный отклик. Сам хозяин не раз высказывал мятежные мысли: «Царской фамилии, начальства и чиновников не будет; через несколько лет произойдет в России бунт и явится какой-нибудь Стенька Разин, который пойдет за нас». Стали давать книжки на дом, дали одному революционный песенник. Но получивший оказался предателем—пошел в жандармское управление и показал запрещенную книжку. Прокопьев и Хорошавин были арестованы. А через некоторое время, 12 мая 1875 г., жандармы нагрянули в село Камышинское, перерыли всю школу, нашли нелегальные брошюры, арестовали учительницу и в тот же день увезли ее в губернский город.

При увозе А. В. Якимовой крестьянки окружили экипаж и с плачем провожали ее из села. Из толпы раздавались причитания: «И кто это под тебя колеса-то подкатил?!.». Через день учительница была заключена в губернскую тюрьму.

Аресты шли по всей России. Народники разошлись и раз'ехались по деревням, часто под видом ремесленников и чернорабочих. Начали пропаганду, раздавали книжки и всюду встречали одно и то же: крестьянство было далеко от восстания, — сочувственно слушали, но оставались пассивны. Зато не дремали урядники и становые: начались доносы, обыски, аресты, все тюрьмы были переполнены. До тысячи человек молодежи было захвачено правительством. Началось большое судебное дело—о пропаганде в разных местностях империи.

А. В. Якимову поместили в одиночную камеру, посадили на арестантский паек (собственных денег

у нее не было) и не разрешали ей прогулок. Потянулась однотонная жизнь—в полном молчании, без общения с людьми, без свежего воздуха. Лишения не испугали молодой девушки: народники были готовы на предстоящие страдания и ожидали их. «Главное—не раскисать!»—таково было общее решение. Скоро товарищи с воли устроили «передачу», начали присылать книги. Узнали об аресте и родные. Мать добилась свидания с дочерью, залилась слезами и, не произнося ни слова упрека, все время повторяла: «Иди на волю, а я останусь здесь вместо тебя!». Отец подавил в себе желание встречи и решил образумить заблудшую дочь: не приходил на свидание, не присылал денег и только время от времени, после обедни в тюремной церкви, присылал дочери просфору и свое благословение.

Через год А. В. Якимову повезли из Вятки в Петербург—сюда свозили наиболее подозреваемых и подлежащих суду. Здесь, в Доме предварительного заключения, молодая девушка нашла свою учительницу и друга—А. Д. Кувшинскую. Их камеры оказались близко и соединялись друг с другом паровыми трубами. После годичного молчания перед А. В. Якимовой открылась возможность живого общения с товарищами — обмена мыслями, чувствами, настроениями. Говорить вслух было невозможно, но можно было «перестукиваться», пользуясь тюремной азбукой: определенное число ударов соответствовало той или другой букве. Вся тюрьма была наполнена неумолчным стуком: замурованные в каменные мешки революционеры оживили их новой речью, и никакие запрещения начальства не могли остановить этой горячей жажды взаимного общения. Тяжесть одиночного заключения смягчалась; каждый чувствовал себя частицей одного целого; легче было переносить лишения, болезни, разлуку с родными.

Общение с товарищами не прекратилось и после, когда А. В. Якимову вместе с некоторыми узниками перевели в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Тюремный режим был здесь суровее, за разговоры карали лишением книг, строго запрещали перестукиваться. Но перестукивание возобновилось: стучали всем, чем можно, — иконою, поднятым на прогулке камышком, косточкой от обеда, собственной ногой; стучали о железную решетку окна, о кран умывальника, наконец, о пол (стены были обиты войлоком и не давали звука). А. В. Якимова была особенно усердной стукальщицей. Здесь, за тюремной решеткой, она познакомилась со многими революционерами, приобрела новые дружеские связи, нашла ответ на волновавшие ее вопросы. Тюремное заключение длилось долго: А. В. Якимова просидела почти три года, другие—еще больше. Многие не вынесли тюремной обстановки: некоторые захирели и умерли от болезней, другие лишились рассудка, третьи покончили самоубийством. Наконец, в конце 1877 г. начался судебный процесс над 193 обвиняемыми (остальные были отпущены и частью разосланы по отдаленным губерниям). В числе обвиняемых была и А. В. Якимова.

Как отнестись к предстоящему суду? Этот вопрос вызывал большие споры среди узников. Громадное большинство высказывалось за политику протеста. «Мы не обвиняемые, а пленники,—говорили заключенные,—правительство не может судить нас, оно само—заинтересованная сторона в начавшейся борьбе». Расходились только в формах протеста: одни стояли за использование судебных заседаний и произнесение революционных речей; другие высказывались за отказ от всякого участия в судебной комедии. Правительство само обострило создавшееся положение: чтобы избежать шумного скандала, оно разбило подсудимых на группы и

решило вызывать их поочередно. Ответом был шумный и страстный протест. Обвиняемые отказывались присутствовать на суде, их приводили силой, под угрозой обнаженного оружия; тогда они разражались на суде негодующими, резкими речами и возгласами. Одному из них, Ипполиту Мышкину, удалось произнести яркую революционную речь. Протестантов хватали и снова уводили в тюремные камеры. Весь Петербург был взволнован событием дня. Постепенно по всей России стало известно о смелых выступлениях подсудимых, и взрыв сочувствия охватил новые слои подрастающей молодежи.

С самого начала А. В. Якимова была сторонницей решительного бойкота царского суда: она отказалась от присутствия на суде и, приведенная силою, публично и резко заявила свой протест.

На этот раз А. В. Якимовой удалось избежать обвинительного приговора: на следствии она неуклонно отрицала свою вину; улики были ничтожны, и прокурору не на чем было построить обвинения. 5 января 1878 года она очутилась на свободе, а через несколько недель узнала о своем оправдании.

В ожидании приговора, А. В. Якимова успела использовать короткое пребывание в столице. Денег у нее было мало, пришлось вместе с сопроцессницей Е. Завадской поселиться в бедной и сырой комнатушке у прачки. Питались плохо—чаем с дешевой колбасой, кислой капустой, холодцом из лавочки. Зато жили напряженной идейной жизнью: каждый день—многолюдные собрания (чаще всего—в квартире А. И. Корниловой), новые интересные знакомства, живые, волнующие споры, широкие революционные проекты... В это время А. В. Якимова сближается с А. И. Желябовым и С. Л. Перовской—будущими революционными вождями; подводит итоги своей революционной работе, выясняет при-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

чины ее неудачи, участвует в совещаниях первой крупной революционной организации «Земля и Воля». В это время народники перестраивают свои ряды и преобразуют свою тактику: смыкаются в тесное общество, вводят строгую дисциплину, приступают к основанию прочных деревенских поселений, все чаще заговаривают о необходимости «пропаганды действием». Первые неудачи, тюремное заключение и судебный процесс не остались бесследными: нерешительные и колеблющиеся отпали, зато выковалось крепкое революционное ядро, которое охвачено горячим под'емом, стремится к действию и умеет учитывать свой опыт.

В 1878 году А. В. Якимовой было 22 года. Все пережитое закалило и оформило ее революционную личность. Отныне она предана революции —навсегда и безраздельно. Перед ней открывается дорога борьбы, которая требует самоотречения и грозит личною гибелью. Сознательно и бесповоротно она вступает на этот тернистый путь. Но прежде, чем отдаться активной деятельности, она считает необходимым сделать еще один предварительный шаг: поближе подойти к народу, понять и почувствовать его жизнь, вооружить себя ясными и трезвыми представлениями о его быте. Крестьянство вятской деревни—не обычное русское крестьянство: оно не испытало помещичьего гнета, и не ему совершить революцию. Нужно узнать русскую деревню промышленного района,—не по ученым книжкам, а в живой, неприкрашенной действительности, в непосредственном личном соприкосновении. Эту мысль разделяют ближайшие подруги А. В. Якимовой— Е. Завадская и О. Кафиеро-Кутузова. Сообща все трое сговариваются отправиться в пешеходное путешествие по Верхнему Поволжью и весною с'езжаются в Тверской губернии, чтобы осуществить задуманный план.

В темных ситцевых платьях, покрывшись платочками и закинув за спину котомки, А. В. Якимова и ее подруги двинулись в дальнюю дорогу. Шли они налегке, захватив по перемене белья и небольшой запас провизии. По внешнему виду их трудно было отличить от богомолок,—особенно позднее, когда их лица покрылись солнечным загаром, а спины сгорбились от физической усталости. Они и выдавали себя за странниц,—людей бывалых, которые бродят по святым местам и немало видели на своем веку. У каждой было по фальшивому паспорту, изготовленному землевольческой «небесной канцелярией». Внешность и говор скрадывали молодость и происхождение. Для отдыха выбирали красивые и укромные местечки на берегах рек и ручьев, стирали и сушили свое белье, мылись и купались сами. На ночлеги останавливались по деревням, когда наступали сумерки, а с восходом солнца уже двигались в дальнейший путь. Питались просто и скудно—больше хлебом и луком. Так прошли они Тверскую, Ярославскую, Костромскую и Нижегородскую губернии. Если очень уставали, делали передышку: на один—два перегона садились на поезд или пароход. По пути присматривались и прислушивались к окружающему, заводили разговоры с крестьянами, но никакой пропаганды не вели, чтобы не помешать цели своего путешествия. Знакомились с бытом центрального района, подмечали смышленость и бойкость местного люда. Однако, многого узнать не могли: в деревне было горячее время полевых работ, а на коротких остановках трудно было изучить крестьянскую жизнь. Путешествие давало себя чувствовать: ноги опухли и стерлись до крови (башмаки давно истрепались, и путницы заменили их лаптями); ощущались сильная усталость и голод.

Добравшись до Нижнего, Е. Ф. Завадская и О. Кафиеро решили кончить свое паломничество.

Но «Баска» (революционное прозвище А. В. Якимовой [1]) не желала сдаваться так скоро. Ей захотелось окунуться в заводскую жизнь, почувствовать на себе тяжелую, трудовую лямку, близко увидеть рабочую массу в обычной житейской обстановке. Отдохнувши и подкрепившись силами, А. В. Якимова отправилась на Сормовский завод, крупное машиностроительное предприятие в 9 верстах от Нижнего-Новгорода. Пред'явила свой паспорт на имя дочери дьячка, откуда-то с Дону и попросила работы. Из конторы ответили: «Сейчас работы нет, приходи через недельку и справься». А. В. Якимова решила не возвращаться в город и нанялась на пристани на выгрузку дров. Работа была торопливая и тяжелая: мужчины и женщины вперемежку таскали на носилках партии дров с речных плотов на волжский берег. Работали под наблюдением надсмотрщика, который не стеснялся в понуканиях и брани; трехэтажная ругань висела в воздухе: ругались все—и надсмотрщик, и мужчины, и женщины. Деньги получали у подрядчика, который, распивая чаи, заставлял ждать измученную и голодную толпу. Временами самодовольное и сытое лицо хозяина показывалось в окно, и раздавались сальные прибаутки по адресу собравшихся работниц. «Тут,—вспоминала А. В. Якимова,—вполне испытала я чувство ненависти голодного труженика к сытому тунеядцу».

Через неделю удалось поступить на завод простой чернорабочей. И здесь работа была тяжелой: приходилось выгружать и переносить в мастерские различный строительный материал, иногда крупные тяжести. Антонина (так звали А. В. Якимову по паспорту) выдавалась своим здоровьем и силой. Бывали случаи, когда ее звали в мужскую партию

---

[1]) А. В. Якимова часто говорила по-вятски—«баско» (хорошо).

на замену недостающего рабочего: «Ну-ка, Антонина, берись!». И «дочь дьячка» подхватывала толстый дубовый брус, который, накренившись, давил и резал ей плечо. Рабочий день длился долго—12 часов в сутки. Время работы проверялось строго—при помощи жестяных номерков. Иногда, после гудка, когда работы прекращались, десятник громогласно об'являл: «Бабы, оставайся на ночную смену!». И женщины покорно оставались на заводе, выдерживая непрерывный 16—20-часовой труд. По закону, сверхурочные работы были не обязательны, и об этом ясно говорилось в заводских правилах. Но администрация плохо считалась с законом, а рабочие чувствовали себя бессильными и покорялись. Антонина первая решила не подчиняться такому порядку. «Что ты, что ты,—говорили ей женщины,—оштрафуют тебя и все тут». «Не оштрафуют,—отвечала Антонина,—не смеют нарушить правила». Но администрация, действительно, выписала непокорную работницу на штрафной доске. «Ничего не значит: запугать хотят, стращают, а не вычтут при расчете, я—по правилам»,—твердила Антонина. «Пропишут тебе правила»,—насмешливо-укоризненно отвечали женщины.—«А если оштрафуют, к директору жаловаться пойду». Но угроза жалобой вызывала всеобщий смех. «Слушай, что новенькая говорит: хочет жаловаться к директору итти. Погоди, обломают тебе крылышки!».

Тупая покорность судьбе, отсутствие активного протеста, недостаток смелости и почина характеризовали чернорабочую массу. И на этом фоне забитости неожиданная протестантка привлекала к себе внимание и товарищей, и заводской администрации.

Но Антонина выдавалась среди работниц не только этим. Обращение заводских рабочих с работницами было в то время чересчур вольным, достоинство женщины не уважалось, и сами работницы

поощряли мужчин к такому поведению. А. В. Якимова давала неизменный отпор таким выходкам: «Как тебе не стыдно! Не можете пройти мимо женщины, чтобы не облапить ее»,—отстраняясь, говорила она рабочим. Такой отпор вызывал необычайное изумление. «Господи, господи, работаешь, как каторжный, и не побаловаться»,—отвечали оторопелые рабочие. Странную работницу начали звать «монашенкой». Заводская администрация стала присматриваться к ней поближе. Через некоторое время Антонину перевели в «стружечницы»: работа там была легче, а заработок чуть-чуть повыше.

Одновременно с А. В. Якимовой на Сормовском заводе работал ее земляк, основатель «Северно-русского рабочего союза» Степан Халтурин: его увлекала идея чисто-пролетарской классовой организации, и он заводил связи с провинциальными рабочими. А. В. Якимова впервые встретилась с ним в Нижнем, на народнической квартире. На заводе они скрывали свое знакомство. Вообще А. В. Якимова старалась ничем не обнаружить своих революционных взглядов,—не вела никакой пропаганды, не раздавала никаких книг. И все-таки полицейские тучи уже сгущались над ее головой.

Прошло два месяца тяжелого изнурительного труда. Здоровье А. В. Якимовой заметно пошатнулось. Оставаться на заводе не было смысла—поставленная задача была исполнена. А. В. Якимова пошла в заводскую контору и потребовала расчета: оговорилась тем, что опасно заболела мать и требуют домой. Администрация подсчитала заработок, выдала поденную плату по высшей норме и не произвела никакого вычета. «А паспорт ваш у станового пристава в Кунавине. Нужно обратиться туда». Было ясно: дочь дьячка заподозрили в революционных намерениях; еще немного—подделка была бы обнаружена, и Антонина была бы арестована.

Но она предпочла не беспокоить станового и подарила ему свой фальшивый паспорт. Уходя с завода, завернула в мастерскую и показала женщинам свою расчетную книжку: никакого штрафа не удержали! «Ну, понятно, Антонина, ты—человек грамотный, а мы—люди темные»,—отвечали работницы. Но в голосе их звучало уважение, и простились они с уходящей ласково и приветливо.

Из Нижнего А. В. Якимова отправилась на родину—еще раз увидеть знакомые места и последний раз обнять близких людей. Местная полиция уже имела распоряжение — учинить над «нигилисткой» строжайший надзор и воспрепятствовать ее выезду из родного Архангельского. Исправник, становой, сотский, староста,—все были поставлены на ноги. Следили за каждым движением поднадзорной. Но она сумела обмануть бдительность власти, — незаметно ускользнула из села, искусно замела свои следы и, несмотря на учиненную погоню, с новым фальшивым паспортом отправилась в Петербург.

По дороге А. В. Якимова заехала в село Камышинское, где началась ее революционная работа: она хотела увидеть знакомых крестьян и рассказать им, за что ее арестовали и судили. Здесь повидалась она с близкими людьми и, простившись, двинулась в дальнюю дорогу снежными просторами.

Знакомый пожилой крестьянин повез ее до Яранска. А. В. Якимова не скрыла от него цели своей поездки: она рассказала ему о своем желании—навсегда и бесповоротно вступить в революционную организацию. «Святое твое дело,—отвечал камышинец,—если бы не семья, я сам бы пошел на это дело».

Это прощальное напутствие еще звучало в сознании А. В. Якимовой, когда она в'езжала в Петербург. Новая, героическая страница открывалась в жизни молодой 23-летней революционерки.

3. Вооруженная борьба.

Приехав в столицу, А. В. Якимова стремилась увидеть своих товарищей по процессу, наиболее близких к ее воззрениям, Н. А. Морозова и Л. Тихомирова. Но ей был дан землевольческий адрес к сестре О. В. Аптекмана, и она временно поселилась на «рабочей» конспиративной квартире: сюда сходились революционные рабочие слушать народнические лекции Г. В. Плеханова и О. В. Аптекмана. Присматриваясь к этой пропаганде, А. В. Якимова не удовлетворялась подобным типом работы: заводские рабочие Петербурга казались ей слишком далекими от народа; в их мыслях и настроениях она не находила нужной революционной энергии; самые лекции представлялись ей слабым орудием в той великой борьбе, которую необходимо развернуть среди царящего деспотизма.

Чем больше А. В. Якимова раздумывала о пережитых впечатлениях, тем больше склонялась к выводу о необходимости иной пропаганды,—не словами, а фактами. Воспитанная на идеях Бакунина, она рвалась к массовой революции. Но крестьянские массы оказались неподготовлены и пассивны. Слепая покорность судьбе сковывала человеческую волю. Одного сознания существующей несправедливости было мало: необходим волевой под'ем, горячая вера, твердая решимость, смелые действия. Надо одушевить народные массы этой верой и этой решимостью, разбить обаяние могущественной власти, увлечь примером самопожертвования и героизма. Задача революционеров—взять на себя почин, заставить задрожать врага и всколыхнуть застоявшееся болото своей активностью.

Так рассуждала не одна А. В. Якимова. Такие мысли и намерения бродили в сознании многих

революционеров. Массовое хождение в народ окончилось неудачей: крестьянство не откликнулось на проповедь социализма. Попытка народников перестроить свои ряды, укрепить деревенскую работу организацией и дисциплиной, завести прочные народнические поселения не принесла желанных плодов. Агитация в крестьянстве подвигалась туго—правительство обрушивалось на революционеров все новыми и новыми арестами. За каторжными приговорами последовали смертные казни. Кругом кишели шпионы и провокаторы. Самодержавная власть мобилизовала все силы, чтобы задушить начавшееся движение.

На первых порах народники открещивались от чисто-политической борьбы. Нам не нужна хваленая европейская свобода, раздавались настойчивые голоса, нам нужна немедленная социальная революция; мы должны свергнуть не только самодержавие, но и весь буржуазно-помещичий строй; не следует раздроблять свои силы—сначала свергать царя, а потом уничтожать экономическое угнетение. Нужно добиться этого сразу—мощным напором народного восстания.

Теперь многие заговорили иначе. Пока существует самодержавный строй, подготовить социальную революцию невозможно. Необходимо начать с царя, завоевать политическую свободу и только тогда, укрепившись на захваченных позициях, произвести экономический переворот: всю землю отдать крестьянам, все фабрики и заводы—рабочим. Уничтожение царского деспотизма, политическая свобода—вот наша очередная задача. Наш путь идет через народное восстание, но вызвать его надо собственным героическим примером.

Не все соглашались с такими выводами. В рядах «Земли и Воли» вспыхнули оживленные споры: «деревенщики», стоявшие за старую тактику, не

хотели сдаваться «политикам». Но ряды чистых народников все больше редели: сама жизнь толкала революционеров на вооруженную борьбу с правительством.

Борьба началась с самозащиты: врывающихся жандармов встречали револьверными выстрелами. уличенных шпионов убирали со своей дороги, особенно свирепым сановникам мстили за совершенные жестокости. Сначала эти вооруженные выступления были одинокими и случайными. Постепенно они учащались и становились постоянным явлением. Особенно сильное впечатление произвели три террористических акта [1]). Летом 1877 года петербургский градоначальник Трепов приказал высечь розгами политического заключенного Боголюбова. В ответ молодая народница В. И. Засулич на свой страх и риск явилась к Трепову и выстрелила в него из револьвера. В начале 1878 года шеф (начальник) жандармов Мезенцов убедил царя усилить наказание осужденным народникам и разослать оправданных в отдаленные губернии; томившихся в Петропавловской крепости он окружил суровыми притеснениями. В ответ землеволец Кравчинский среди белого дня, на людной площади Петербурга, поразил Мезенцова ударом кинжала в грудь. Наконец, 2 апреля 1879 года, другой землеволец А. К. Соловьев, у самого Зимнего дворца, произвел несколько выстрелов в гуляющего царя: в лице самодержца он мстил за все преследования и жестокости, которые допускала неограниченная власть; стараясь убить царя, он пытался разбить священный ореол несокрушимого императорского трона.

А. В. Якимова вполне разделяла эти воззрения. Ударом в самый центр государства,—убийством самодержавного деспота,—необходимо переломить

---

[1]) Террористический—наводящий страх на противника.

сознание народа и вызвать его из состояния тупой безнадежности. Эта мысль не покидала А. В. Якимову после неудавшегося покушения Соловьева и начавшихся арестов. «Рабочая» квартира землевольцев была разгромлена—Плеханов, Аптекман и «Баска» едва спаслись. Товарищи предложили А. В. Якимовой временно выехать в Калужскую губернию, но тоска по активной работе скоро потянула ее обратно в столицу. После долгих усилий она нашла своих единомышленников—Морозова и других «политиков», обменялась с ними мыслями и настроениями, встретила в их среде сочувствие и помощь. Весной 1879 года начинается ее непосредственное участие в вооруженной «пропаганде фактами».

В недрах «Земли и Воли» существовала особая «дезорганизаторская группа»: ее задачей было дезорганизовывать, расстраивать ряды правительства, устраняя с дороги наиболее жестоких и вредных чиновников. Револьвер и кинжал казались недостаточно надежными и сильными орудиями борьбы. Возникла мысль о необходимости применения взрывчатых веществ—нитроглицерина и динамита. Решили устроить небольшую лабораторию для производства опытов. Организацию дела поручили двум товарищам, одинаково самоотверженным и преданным революции: Степану Ширяеву и Анне Васильевне Якимовой. Ширяев засел за специальные пособия и начал свою работу. А. В. Якимова сделалась его помощницей, исполняя обязанности квартирной хозяйки и строго наблюдая за правилами конспирации. Через некоторое время была устроена другая квартира, где динамит приготовлялся уже в большом количестве: первые опыты легли в основу широкой и уверенной работы. Хозяевами этой второй квартиры были также С. Ширяев и А. В. Якимова.

Чем сильнее разгорались споры о необходимости вооруженной борьбы, тем больше «политики» стремились к самостоятельным и сплоченным выступлениям. В мае 1879 года группа землевольцев, сторонников новой тактики, сомкнулась в независимую боевую организацию. Задачею группы была террористическая борьба с правительством во имя политического освобождения России. «Свобода или Смерть»—таково было название новой организации. Строжайшая дисциплина, беспрекословное подчинение Исполнительному Комитету должны были обеспечить успех ее деятельности. Группа состояла из 15 человек, в ее состав входили: Н. Морозов, Л. Тихомиров, А. Квятковский, С. Ширяев и А. В. Якимова. В распоряжении группы было 20.000 рублей, внесенные одной из участниц, фиктивно вышедшей замуж и получившей от родных приданое. Были заведены собственная динамитная мастерская и конспиративная квартира. Собрания устраивались в Лесном, где-нибудь в чаще деревьев. Подготовляли почву для предстоящих боевых выступлений.

Это об'единение «политиков» было преддверием других, более серьезных событий. Разногласия в среде землевольцев становились все обостреннее. «Быть или не быть политической борьбе?»—этот вопрос горячо обсуждался на товарищеских сходках. Решили покончить с ним раз навсегда—устроить партийный с'езд и вынести обязательное для всех решение. С'езд состоялся в конце июня в городе Воронеже. В течение нескольких дней,—в Ботаническом саду и на реке Воронеже,—велись оживленные и настойчивые споры. «Политики» выступали сплоченными рядами,—заранее перед с'ездом они устроили отдельные совещания в городе Липецке (Тамбовской губернии): там было решено во что бы то ни стало обеспечить победу новому течению.

«Деревенщики» оказались в меньшинстве и признали необходимость террористической борьбы. Но разногласия не исчезли, и осенью в Петербурге произошло окончательное разделение народнической организации «Земля и Воля». Сторонники политической борьбы отделились от товарищей и образовали новую революционную партию, получившую название «Народная Воля». Освободить Россию от ига самодержавия, дать возможность народу высказать и осуществить свою волю—такую задачу поставили себе «народовольцы». Оставаясь социалистами, они направили свое внимание на подготовку народного восстания. Для этой цели вели революционную агитацию среди учащихся, рабочих и военных; организовывали тайные революционные кружки; выпускали подпольные листовки и журнал; наконец, подготовляли террористические акты. Особенно много энергии и самопожертвования требовала боевая работа—она поглощала главные силы народовольцев и представлялась самой очередной и важной. 26 августа 1879 года Исполнительный Комитет «Народной Воли» вынес смертный приговор самодержцу, ответственному за все бедствия и жестокости, которые творятся в царской России. Казнь царя, по мысли народовольцев, должна была разбудить народ и подготовить час победоносного массового восстания.

А. В. Якимова вошла в ряды Исполнительного Комитета. Вместе с товарищами, согласно принятому уставу, она отреклась от собственности, от родственных связей, от личной воли—во имя великого революционного дела. И сразу она заняла одно из важных мест в народовольческой организации: на ее плечи пала боевая техническая работа.

Было решено выполнить приговор над царем, когда он будет возвращаться из Крыма в Петербург. Были задуманы два одновременных подкопа под

полотно железной дороги, один—в Москве, другой—под Александровском (Екатеринославской губернии): при неудаче первого покушения должно было немедленно последовать второе. Приготовлениями на юге руководил А. И. Желябов, крупнейший из вождей «Народной Воли». А. В. Якимова была его ближайшей технической помощницей. Под именем ярославского купца Черемисова Желябов приехал в Александровск вместе с А. В. Якимовой, которая числилась по паспорту его женой; заявив, что он намерен открыть кожевенный завод, снял заранее высмотренный дом и приступил к работе. Были заготовлены динамитные снаряды, и незадолго до ожидаемого проезда царя их заложили под железнодорожное полотно в 4 верстах от города. Две ночи под ряд укладывали проволоку от железнодорожной линии к грунтовой дороге. 18 ноября 1879 года А. Желябов в сопровождении нескольких помощников сторожил царский поезд, сидя в крестьянской телеге, в стороне от насыпи. Поезд показался, Желябов мгновенно соединил концы проволоки с батареей, но ожидаемого взрыва не последовало: повидимому, провода были нечаянно испорчены путевым сторожем...

Так же неудачна оказалась вторая попытка, под Москвой. Здесь приготовления вела С. Л. Перовская, которая поселилась с Л. Гартманом под видом мещан-старообрядцев в Рогожском районе. Была выкопана подземная галлерея, заложена разрушительная мина, и в момент появления поезда раздался оглушительный взрыв. Два вагона опрокинулись навзничь, но поезд оказался не царским: царь проследовал в Москву на полчаса раньше.

Неудачи не ослабили, а усилили энергию народовольцев. Организатором нового покушения выступил столяр С. Халтурин, основатель «Северно-русского рабочего союза»,—тот самый, с которым

А. В. Якимова встретилась на Сормовском заводе. Постепенно в Халтурине произошел тот же перелом, который испытала большая часть землевольцев: он пришел к ясному сознанию, что необходима активная политическая борьба. Осенью, перед от'ездом на юг, А. В. Якимова имела с ним дружеские беседы и видела его готовность к вооруженным выступлениям. Она посоветовала ему обратиться за содействием к «Народной Воле», и Халтурин последовал ее совету. В качестве столяра он нанимается в Зимний дворец, получает помещение в дворцовом подвале, искусно разыгрывает роль простачка-крестьянина и приступает к подготовке взрыва.

В это время А. В. Якимова возвращается в Петербург и вместе с Г. Исаевым устраивает динамитную мастерскую на Б. Под'яческой улице. Весь приготовленный динамит частями передается С. Халтурину, и он незаметно проносит его в царский дворец. Внезапно арестовывают А. Квятковского, одного из руководителей заговора. Находят у него клочек бумаги с каким-то планом (это был план Зимнего дворца). Подозревая возможность покушения, делают внезапный обыск в подвальном помещении столяров. Сундучек с динамитом был раскрыт, но в его содержании не рылись, удовлетворившись поверхностным осмотром. Медлить долее было невозможно. 5 февраля, перед самым царским обедом, заранее рассчитав минуты, Халтурин аккуратно приладил ящик с динамитом, зажег фитиль и вышел из дворца. На площади, в условленном месте, он встретил Желябова и бросил ему одно слово: «Готово!». В ту же секунду раздался страшный грохот, огни во дворце потухли, и черные клубы дыма заполнили внутреннее помещение. Но цель взрыва не была достигнута: царь несколько запоздал с обедом, а сила взрыва оказалась недостаточной для разрушения столовой.

С. Халтурин нашел себе временное убежище в той самой мастерской, которая снабжала его запасами динамита. На долю А. В. Якимовой и Г. Исаева выпала почетная обязанность скрыть своего товарища, когда петербургская жандармерия и полиция усиленно разыскивали его по всей столице. Здесь, окруженный динамитными бомбами, С. Халтурин пережил тяжелое сознание своей неудачи. Но тут же он мог убедиться в неуловимости террористов и в жалком бессилии «вездесущей» полиции.

Хозяева динамитной мастерской были в самых лучших отношениях с домовым дворником, прогоревшим торговцем из «суровской» лавочки. Как-раз в это время дворник задумал справить свои именины и созвать гостей из числа старых, добрых знакомых. Но помещения у именинника не было, кроме жалкой швейцарской комнатки. Он обратился к своим приятелям, хозяевам квартиры, которые казались ему такими приличными и благонамеренными. Что делать?.. Отказать нельзя! Квартиру очистили и прибрали. Халтурина отвели на холодный чердак, который примыкал непосредственно к квартире. Закутанный в шубу, С. Халтурин сидел против окошка, выходящего в гостиную гостеприимных хозяев. Начали собираться гости. Явился сам околоточный надзиратель. Приступили к выпивке и закуске, засели за карты. А. В. Якимова искусно разыграла свою роль, несколько раз сразилась в карты с околоточным и три раза оставила его в дураках. Вечеринка закончилась, и снова гостеприимная квартира заполнилась взрывчатыми веществами и перешла к изготовлению динамита.

Покушения в Москве и в Петербурге произвели огромное впечатление во всей России. Правительство было перепугано и напрягало все усилия в поисках заговорщиков. Но заговорщики не давались ему

в руки. Сочувствие начатой террористической борьбе наблюдалось повсюду. Однако, сами народовольцы не могли быть довольными: начатые предприятия срывались одно за другим. Снова и снова надо было удваивать революционную энергию.

Ожидали, что весной Александр II отправится в Одессу. Заранее, в апреле 1880 года, группа народовольцев с'ехалась в этом городе и начала приготовления к новому покушению. С. Перовская и Н. Саблин под именем купцов Прохоровских открыли бакалейную лавочку на Итальянской ул.: отсюда начали подкоп под мостовую (этим путем должен был проезжать царь). В то же время А. В. Якимова и Г. Исаев поселились на Троицкой улице под фамилией Потаповых: здесь хранился привезенный динамит и все необходимое для снаряжения мины. Как всегда, работали, окруженные взрывчатыми веществами, под угрозой ареста или взрыва. Однажды Г. Исаев прочищал тоненькой палочкой металлическую трубку для запала. Внезапно раздался сильный взрыв, и А. В. Якимовой, вбежавшей из соседней комнаты, представилась страшная картина: Исаев, бледный, как полотно, сидел с окровавленной кистью руки; куски оторванных пальцев покрывали стены и потолок. В трубочке оказалась гремучая ртуть, и Исаеву оторвало три пальца. Еще минута—и на взрыв сбегутся испуганные соседи, мастерская будет открыта и начатое дело сорвется снова. «Уходи скорее с квартиры, я погиб»,—обратился Исаев к А. В. Якимовой. Но спокойная и решительная «Баска» не потерялась: она увела раненного товарища в темную комнату, забинтовала ему руку, опустила ее в холодную воду, быстро подобрала куски оторванных пальцев и замыла все кровяные пятна. Не забыла предусмотрительно открыть окошко во двор, чтобы отвести всякие подозрения соседей. К счастью, на улице было

шумное движение экипажей, и взрыв оказался незамеченным. Сейчас же А. В. Якимова сбегала на Итальянскую, вызвала «своего» врача и вечером отвезла раненого в земскую больницу—операция была необходима. Рассказали, что «Потапову» оторвало пальцы на складе машин, по собственной неосторожности. А. В. Якимова добилась разрешения присутствовать на операции: она боялась, что усыпленный Исаев может невольно проговориться.

Предприятие удалось спасти, но довести его до конца не пришлось. Александр II не поехал через Одессу, и начатый подкоп поспешили незаметно засыпать. А. В. Якимова возвратилась в Петербург и приняла участие в новом террористическом акте. На этот раз решили подложить мины под Каменный мост, по которому часто проезжала императорская карета. Желябов и двое его товарищей опустили в воду две каучуковые подушки, начиненные динамитом. В день проезда царя Желябов и рабочий Тетерка должны были под видом разносчиков спуститься на прачечный плот и сомкнуть провода батареи. А. В. Якимова должна была исполнять обязанности сигнальщицы: следить за царским выездом и, увидев от'езжающую карету, пройти по мосту,—знак приготовления к взрыву. Но покушение и на этот раз не удалось довести до конца.

Тем временем была организована новая динамитная мастерская на Обводном канале. Здесь руководство делом было сосредоточено в руках Н. Кибальчича, обладавшего солидными техническими познаниями. А. В. Якимова была его помощницей и применяла здесь свой опыт, накопленный долгими месяцами опасной работы. Но ее ждала новая, более ответственная задача: Исполнительный Комитет «Народной Воли» выработал новый план покушения на Александра II. В начале ноября 1880 года было приступлено к его выполнению.

Как-раз в это время в меблированных комнатах, на углу Невского проспекта и Новой улицы, поселились Евдоким Ермолаевич Кобозев с женою Еленою Федоровною. И по паспорту, и по внешнему облику оба происходили из городского мещанства: муж—широколицый, с рыжей бородой лопатой, жена—простовато одетая, с вятским говорком на «о», с подстриженной челкой на лбу. Оба только-что приехали в столицу, чтобы открыть тут торговое заведение. Высмотрели подходящий подвал на М. Садовой, в доме Менгден, сняли его за 1.200 руб. в год, заключили условие, начали ремонт. С 7 января открылась торговля в сырной лавке Кобозевых. Лавка была, как лавка: стояли ящики и бочки с сырами, висела икона с лампадкой, бегал хозяйский кот. Но полиция была осторожной: помещение выходило на улицу, по которой нередко проезжал царь. Послали в Воронеж справиться; был ли выдан паспорт мещанину Кобозеву? Ответ получился успокоительный: все было в порядке. Ни соседи, ни дворник, ни постовой городовой не замечали ничего подозрительного. Никто не знал, что под видом Кобозева поселился один из народовольцев—Ю. Богданович, а под видом его жены—та самая «Баска», которая участвовала в предшествовавших покушениях на русского императора.

Каждую ночь, после закрытия сырной лавки, здесь начиналась напряженная и трудная работа. В жилой комнате тщательно завешивалось окно, снималась деревянная обшивка наружной стены и начиналось прорытие подземной галлереи. Работали медленно и осторожно, чтобы не навлечь на себя подозрений с улицы. «Хозяйка», А. В. Якимова, следила в окно за движениями постового городового. Мужчины пробивали стену и вели подкоп. Стена поддавалась туго—цемент и кирпичи пришлось размягчать кислотой. Подкоп шел к са-

мой середине улицы. После долгих усилий наткнулись на железную водопроводную трубу,—пришлось изменить взятое направление. Через некоторое время встретилось новое препятствие — деревянная водосточная труба. Копать ниже—нельзя: выступает подпочвенная вода; копать выше—опасно: может произойти обвал мостовой. Решили пересечь трубу—прорезать в ней отверстие (вода доходила только до половины трубы), потом продвинуть через него бурав и сосуды с динамитом. Труба была пробита, и ужасное зловоние охватило подземную галлерею. Землекопы надевали на себя респираторы (предохранители) из ваты, и все-таки не могли выдерживать долгое время. Наконец, трубу заделали и продолжали работу дальше. Копали несколько мужчин, которые заранее сходились в лавку, стараясь отвести от себя следы. Землю не выносили, а складывали в комнатах—в бочки, в диван,—всюду, куда можно было сложить.

Одновременно велась другая работа: на квартире Кибальчича приготовлялся динамит, а на улицах столицы тщательно изучали выезды царя.

Приходилось быть постоянно настороже; малейшая оплошность—и подкоп будет открыт. Опасность грозила отовсюду—от дворника, от городового, от шмыгающих шпионов, от случайных посетителей. Однажды днем, в отсутствие Кобозева, лавку посетил управляющий дома: зашел справиться, не дал ли новый асфальт какой-нибудь трещины, хотел побывать в заднем помещении и осмотреть пол. А. В. Якимова заявила, что там развешано вымытое белье, а за асфальтом они сами смотрят, это—в их интересах. Управляющий не настаивал и ушел из лавки.

Однако, опасность надвигалась с другой стороны. 25 февраля подкоп окончили, оставалось подождать дня проезда царя и заложить мину.

27 февраля шпионы выследили одного из народовольцев, выходившего из сырной лавки. За лавкой установили надзор, полетели полицейские доносы. В тот же день произошло новое несчастье, которое грозило разрушить весь план террористов: на квартире Тригони был арестован Желябов, главный организатор и вдохновитель заговора...

На следующий день в лавку Кобозевых нагрянула полиция: решили осмотреть подозрительное помещение под предлогом санитарно-технических целей. Военный инженер, генерал Мровинский, обошел лавку и комнату, пощупал деревянную обшивку, ткнул ногой сено и уголь, заглянул в бочки— все оказалось в порядке, никаких следов подкопа не обнаруживалось. Хозяин лавки почтительно сопровождал начальство и давал необходимые об'яснения. Осмотр не дал полиции никаких результатов, и все обошлось благополучно.

Члены Исполнительного Комитета не растерялись. Было созвано немедленное совещание и решено действовать, не откладывая. Проезд царя ожидался на следующий день, 1 марта. Постановили действовать и миною, и бомбами: если царь поедет по М. Садовой, будет взорвана мостовая; если царь двинется по другим улицам,—выступят метальщики с бомбами.

Ночью в подкопе была заложена мина и поставлена батарея; в то же время на конспиративной квартире происходило приготовление бомб. К утру все было готово, весь план обдуман, все обязанности строго распределены.

Наступило 1 марта 1881 года. А. В. Якимова с утра находилась в лавке. В ее задачи входило— сидеть у окна и следить за движением на улицах; при появлении царской кареты она должна была дать знать товарищу М. Ф. Фроленко, который находился около подкопа и держал в руках электри-

ческие провода: по знаку А. В. Якимовой он должен был быстро сомкнуть их с батареей. «Хозяин» лавки Богданович-Кобозев, по ранее составленному плану, оставил лавку за час до ожидаемого взрыва. М. Ф. Фроленко был неизвестен соседям и мог незаметно ускользнуть через задний выход. Самым опасным было положение А. В. Якимовой: как хозяйка лавки, она была известна всему дому, и ускользнуть при взрыве оказывалось для нее невозможным.

На ближайших улицах были расставлены сигналисты и метальщики (ничего не знавшие о существовании подкопа). Главное руководство террористическим актом сосредоточилось в руках С. Л. Перовской.

В час дня Александр II выехал из помещения Зимнего дворца. А. В. Якимова видела, как замирает уличное движение, как напрягаются и каменеют фигуры конных жандармов. Еще мгновение — и будет дан сигнал. Фроленко уже наготове. Но внезапно спины жандармов расправляются, лица оживают, начинается движение и разговоры: царская карета миновала М. Садовую и двинулась к манежу. А. В. Якимова отправилась на разведки и смешалась с толпой, заполнявшей соседние улицы.

Тем временем метальщики заняли новые позиции по Екатерининскому каналу. После военного смотра царь двинулся в обратный путь, заехал на полчаса в Михайловский дворец и, выйдя оттуда, приказал кучеру направиться по набережной Екатерининского канала. В сопровождении конных казаков, полиции и жандармов царская карета помчалась по набережной. Неожиданно раздался оглушительный взрыв, задребезжали стекла, улица окуталась дымом и покрылась обломками: это была первая бомба, брошенная Н. Рысаковым. Задняя сторона кареты была разрушена, но царь остался

невредимым. Он вышел из кареты и направился к арестованному метальщику.

«Это тот, который бросил?»—«Так точно, ваше императорское величество»,—отвечала толпа. Царь повернулся и направился к карете. Прошло мгновение,—и раздался новый оглушительный взрыв. Облако снега, пыли, обломков поднялось в воздухе. Царь упал, смертельно раненный. Смертельно раненным упал и бросивший бомбу Гриневицкий.

Приговор Исполнительного Комитета был приведен в исполнение. Убийство царя произвело громадное впечатление на всю страну. Но борьба с самодержавием не могла считаться оконченной. Решили сохранить неиспользованный подкоп, и А. В. Якимова попрежнему осталась хозяйкой сырной лавки. Однако, обстоятельства складывались иначе. В ночь на 3 марта полиция явилась в конспиративную квартиру на Тележной улице и устроила там засаду: было ясно, что арестованный Рысаков дает откровенные показания. Можно было опасаться за М. Садовую. Решили ликвидировать лавку и выпроводить из Петербурга ее хозяев.

В тот же день с дневным поездом уехал Богданович-Кобозев. А. В. Якимова задержалась дольше; вечером, в обычное время, заперла лавку, зажгла лампадку перед образом Георгия Победоносца и с маленьким узелком в руках вышла через задний ход в ворота, мимо дремавшего дворника. В тот же вечер поезд мчал А. В. Якимову по направлению к Смоленску, а оттуда — в Москву.

На следующий день покупатели, дворник, полиция напрасно стучали в безмолвную сырную лавку. Помещение было вскрыто и обыскано. Нашли массу земли, буравы, лопаты, скрытую батарею. Подкоп был осмотрен, и мина извлечена на свет. Но энергичные поиски «преступников» не давали никаких результатов.

Пожив в Москве, А. В. Якимова отправилась в Киев отдохнуть и устроить свои личные дела. По приезде она остановилась в меблированных комнатах у товарища по партии—Фанни Морейнис. Но за Морейнис следили и в тот же день произвели у нее обыск. Попутно были арестованы А. В. Якимова и М. Р. Ланганс. Киевская полиция не знала, что в их лице она арестовывает крупнейших террористов. Только впоследствии, после предательства Меркулова, выяснилось, кто такая была арестованная Ольга Владимировна Емельянова.

Мечты о побеге не осуществились. А. В. Якимову перевезли в Петербург и отдали под суд—вместе с другими захваченными народовольцами, в том числе А. Михайловым, Н. Морозовым и М. Фроленко. В это время аресты шли по всей России. Самодержавие было расшатано, но уцелело. Призыв народовольцев еще не встретил отклика в народных массах. Желябов и Перовская уже взошли на плаху. Над обвиняемыми террористами веял призрак неизбежной и близкой смерти.

4. Каторга и ссылка.

Процесс 20 народовольцев, на котором судили А. В. Якимову, происходил в Петербурге с 9 по 15 февраля 1882 года. А. В. Якимова не скрывала своей революционной работы, признала свое участие в ряде террористических актов, но отказалась давать подробные показания, чтобы не повредить товарищам. На суде она держалась спокойно, изредка улыбалась. От защиты решительно отказалась. Не вся ее деятельность была обнаружена. Тем не менее, ей был вынесен смертный приговор,—так же, как 9 другим подсудимым, в том числе Т. Лебедевой.

Весть об этом приговоре облетела Европу и вызвала страстный протест знаменитого французского писателя Виктора Гюго: «Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами безграничная тьма, среди этого мрака 10 человеческих существ; из них две женщины (две женщины!) обречены на смерть, а десять других должен поглотить русский склеп—Сибирь. Зачем? К чему эта виселица? К чему эта тюрьма?... Милосердия!»...

Новый самодержец Александр III заменил офицеру Суханову повешение расстрелянием, а другим—смертную казнь бессрочною каторгою. Для многих эта царская «милость» оказалась только мучительной и медленной смертью.

А. В. Якимова была заточена в Екатерининской куртине Петропавловской крепости (изредка ее перемещали в Трубецкой бастион). Всех осужденных перевели на каторжное положение—переодели в казенную дерюгу, лишили чаю, сахару и мыла, давали скудную и отвратительную пищу: утром и вечером по кружке мутного кипятку, порцию черного засоренного хлеба, в обед—водянистые щи и гречневую размазню. На прогулку не выпускали. Книг не давали вовсе (позднее стали давать библию). Обращение было грубое и суровое. Особенно тяжелым было положение женщин, находившихся под постоянным надзором солдат и тюремщиков Голодая, без воздуха и работы, заключенные теряли свои силы. Начались чахотка, цынга и дизентерия. Врачебной помощи почти не оказывалось. Шестеро заключенных мужчин зачахли и умерли; умерла также одна из женщин—Терентьева; один из осужденных лишился рассудка.

Положение А. В. Якимовой было вдвойне тяжелым: на ее руках был новорожденный грудной младенец, родившийся в тюрьме, за несколько месяцев до суда. Молодая мать отказалась отдать

его тюремщикам, кормила его собственной грудью и согревала своим дыханием среди сырости и холода крепостной камеры. От постоянного недоедания у заключенной началось худосочие и открылись гнойные нарывы, которые грозили перейти в гангрену. Ребенку нехватало молока матери, у него появились желудочные заболевания, и его раздирающие крики раздавались под сводами царской тюрьмы, долетая до одиночных камер. Тяжелое положение матери и сына вызвало некоторое смягчение режима: А. В. Якимовой разрешили выдавать бульон, бутылку молока и 3-копеечную булку; стали выпускать ее на прогулку; позволили получать мыло и стирать в камере белье.

Так продолжалось до лета 1883 года. К этому времени решили отправить А. В. Якимову и ее сопроцессницу Т. Лебедеву на Карийскую каторгу в далекую Сибирь. Им предстояло совершить многотысячеверстный путь частью по железной дороге, частью по воде, главным образом — пешком по этапам. Отправились вместе с группой осужденных по процессу 17 народовольцев 1883 года. Для А. В. Якимовой этот путь длился долго, почти 2 года. Свежий воздух, новые впечатления, общение с друзьями не могли уничтожить разрушительного влияния холода и сырости, грязи этапов и утомления дороги. Мальчик, бывший на руках у матери, заболевал несколько раз, нередко он был на волосок от смерти; сама А. В. Якимова сваливалась то от тифа, то от других болезней. Товарищи убедили ее оставить сына в Красноярске, на руках верных друзей, которые будут следить за его здоровьем. Скрепя сердце, мать согласилась: ребенку угрожала верная смерть в условиях каторжного режима.

В мае 1885 года А. В. Якимова добралась до Кары. Так называлась маленькая золотоносная

речушка, приток многоводной Шилки, на самом краю Сибири. Здесь, среди сопок, обрамленных густыми хвойными лесами, было раскинуто несколько тюремных поселков. Помещение для женщин было устроено при устье реки и походило на разваливающуюся конюшню. Камеры были холодные и сырые; печи имелись только в коридоре. В зимнее время стены угловых комнат покрывались ледяной коркой; на нижних сторонах соломенных тюфяков показывался иней. Крохотные окна под потолком едва пропускали лучи дневного света. Для прогулок существовал маленький двор, и только в узкие щели деревянных палей можно было увидеть внешний мир—суровую и дикую красоту сибирского края.

Женщинам разрешалось проводить время вместе; они устроили коммуну, избрали из своей среды «старосту», сообща столовались, стараясь несколько улучшить скудный тюремный паек. В суровые морозы вся жизнь сосредоточивалась в тюремном коридоре—здесь шла стряпня, хлебопечение, стирка. Здесь же, за самоваром, обменивались мыслями, воспоминаниями, мечтали о будущем. Изредка случалась большая радость—приходила весточка с воли. Поддерживали тайные сношения с мужской тюрьмой. Получали книги из тюремной библиотеки.

Замкнутая жизнь текла однообразно и серо, постепенно подтачивая молодые силы, вырывая из среды заключенных то одну, то другую жертву. Так продолжалось до 1889 года, когда на карийскую каторгу обрушилась неожиданная гроза.

В августе этого года в тюрьму приехал приамурский генерал-губернатор Корф. При обходе женской тюрьмы генерал был возмущен поведением заключенной Е. Н. Ковальской: непримиримая протестантка не захотела встать при его появлении.

Через несколько дней, глубокой ночью, жандармы ворвались в помещение женской тюрьмы, схватили полусонную раздетую Ковальскую и, подвергая ее оскорблениям, увезли в другую тюрьму. Ответом на это насилие была тюремная голодовка: заключенные женщины отказались принимать пищу, пока не сменят коменданта Масюкова, ответственного за оскорбления Ковальской. Голодовка возобновлялась несколько раз, в числе протестующих была и А. В. Якимова. Тюремное начальство, чувствуя возбужденное состояние Карийской каторги, избрало путь томительных проволочек. Положение постепенно обострялось и становилось безвыходным. Тогда одна из заключенных, Н. Сигида, решила пожертвовать собой, чтобы разрубить затянувшийся узел: она ударила коменданта, надеясь вызвать этим его отставку. В ответ, по распоряжению генерал-губернатора, одобренному из Петербурга, к политическим решили применить телесное наказание. Н. Сигиду высекли розгами в присутствии жандармов и солдат. Это было позорным оскорблением не только для чести женщины, но и для достоинства революционерки. Протестовать оставалось единственным путем—собственной смертью. В тот же день отравились Н. Сигида и трое ее подруг, заключенные с нею в одном помещении. Через несколько дней, узнав о смерти 4 женщин, отравились 16 заключенных в мужской тюрьме. Но яд оказался слабым—двое мужчин погибло, остальных возвратили к жизни. В ответ на этот протест правительство отменило приказ о телесном наказании. Но вместе с тем оно решило упразднить политическую тюрьму и перевести карийцев на общее положение с уголовными.

Два года А. В. Якимова пробыла на уголовной каторге вместе с обыкновенными преступницами, деля с ними и время и пищу. Но расчеты прави-

тельства не оправдались: уголовные не были враждебны к политическим, уважали в них непреклонную стойкость и отвели им красный угол на арестантских нарах.

В 1892 году А. В. Якимову выпустили в «вольную команду»—разрешили ей жить вне стен тюрьмы, но под строгим надзором тюремного начальства. Еще через несколько лет перевели с Карийского рудника на Акатуйский, а в 1899 году выпустили на поселение: одним из манифестов бессрочная каторга была заменена двадцатилетнею, а 8 месяцев в рудниках зачли за 1 год каторги.

А. В. Якимовой удалось устроиться в Чите, главном городе Забайкальской области, месте службы ее мужа М. А. Диковского. Поступив конторщицей на Забайкальскую железную дорогу, А. В. Якимова не оставляла мысли о революционной борьбе. Из Европейской России доходили вести о наступившем оживлении, о первых зарницах массовой всенародной революции. Наступила Русско-Японская война. В воздухе чувствовалось приближение политической грозы.

В конце 1904 года Анна Васильевна Якимова «самовольно отлучилась» с места своего поселения, чтобы отдаться снова и безраздельно революционной работе. Приехав в Европейскую Россию, она вступила в партию социалистов-революционеров и через некоторое время заняла почетное и ответственное место в ее центральном комитете. По поручениям партии, она об'езжала различные города России, принимала участие в самых опасных революционных предприятиях. Петербург, Москва, Одесса, Рига, Тифлис, Баку, Батум были местами ее работы в бурный период первой революции. Она чувствовала мощное веяние массового движения, о котором мечтала в годы своей юности, и активно помогала его развитию. Но, вместе с тем, она ощу-

щала за собой непрерывное наблюдение, которое не оставляло ее ни на один шаг. В недрах партии с.-р. таилась провокация, которая опутывала своей сетью и А. В. Якимову. 23 августа 1905 года старая террористка была арестована в железнодорожном вагоне, по дороге из Нижнего в Москву. Арестованная не открыла своего имени и долго числилась «бродягой, не помнящей родства». Но было ясно, что ее настоящее имя известно жандармской власти: в конце-концов она решила назвать себя. Никаких допросов не устраивали, а заключили сначала во Владимирскую тюрьму, а потом—в Петропавловскую крепость. Третий раз А. В. Якимовой пришлось увидеть ненавистные стены царской Бастилии. Октябрьский манифест не освободил ее: побег был признан преступлением уголовным и повлек за собой новый процесс и новый тюремный приговор. Только 7 июня 1907 года А. В. Якимова вышла, наконец, из стен Читинской тюрьмы.

Революция была подавлена, и снова на время восторжествовала реакция. Но, оставшись в Чите, А. В. Якимова не прекратила революционной деятельности: она продолжала работать в читинской организации с.-р. и в местном комитете политического Красного Креста. Не раз ее квартира подвергалась полицейским налетам и обыскам. Однажды на короткое время арестовали и самое хозяйку беспокойной квартиры.

Наступила вторая — февральская революция. Вести о восстании в Петрограде долетели до Забайкалья, вызвав всеобщий взрыв радости и под'ема. Свержение царизма, могучий рост победоносного движения были исполнением заветных чаяний А. В. Якимовой. В начале марта Чита уже справляла празднество свободы. Ликующая толпа заливала улицы и площади города. А. В. Якимова шла впереди революционной демонстрации, неся над голо-

вой развевающееся красное знамя. В ее лице народ приветствовал героическое поколение революционеров, которые нанесли первые могучие удары царскому самодержавию. Торжественною клятвою собравшиеся массы утвердили свою преданность свободе и свою готовность к ее защите. А. В. Якимова навсегда запомнила этот день. Такие минуты незабываемого под'ема искупали в ее глазах всю тяжесть многолетнего заточения, каторги и ссылки: они доказывали великий смысл ее собственного общественного подвига.

Так протекала жизнь А. В. Якимовой, начиная с детства и кончая моментом революции. По своему происхождению и воспитанию А. В. Якимова вышла из среды разночинцев 60-х годов и воплотила в себе их характерные черты—суровую простоту, трудовой закал и упорство в достижении намеченных целей. Выросши среди народа, она отдала народу всю свою жизнь, испытав стремления, борьбу и страдания лучших людей своего поколения. Тюрьма и каторга не сломили, а закалили ее: она осталась неизменно-верной самой себе. И теперь, среди молодых порослей новой жизни, она кажется такой же крепкой и цельной, как кряжистые дубы ее родного вятского края.

Со времени образования Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, Анна Васильевна Якимова-Диковская состоит его активным членом. При организации временной комиссии по празднованию 100-летнего юбилея декабристов А. В. была избрана председателем этой комиссии.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ЧТО ЧИТАТЬ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. В. ЯКИМОВОЙ.

1) Личные воспоминания А. В. Якимовой: Из прошлого («Историко-революционный Вестник». М. 1922, № 1 (4). — Из далекого прошлого («Каторга и Ссылка». М. 1924, кн. 8). — По поводу пьесы «1881 год» («Каторга и Ссылка» 1925, № 2/15). — Группа «Свобода или Смерть» («Каторга и Ссылка» 1926, № 3/24).

2) Правительственные и партийные документы: «Процесс 193-х». Изд. В. М. Саблина. М. 1906.— Процесс 1 марта 1881 г. Изд. И. Балашева. СПБ. 1906. — Процесс 20 народовольцев в 1882 г. Русская Историческая Библиотека, № 10. 1906. — Письма из Петропавловской крепости. (Литература Партии — Народной Воли. М. 1907, 462 — 475). — Карийская трагедия 1889 г. Госизд. 1920, 31 и сл.

3) Воспоминания и письма, в которых попутно освещена жизнь А. В. Якимовой: О. Кафиеро-Кутузова. Из далекого прошлого («Былое» 1907, № 1).— С. Чудновский. Из дальних лет («Минувшие Годы» 1908, № 5—6). — О. В. Аптекман. Общество «Земля и Воля» 70-х г.г. Изд. «Колос» 1924.—В. Н. Фигнер. Запечатленный труд. I том. М. 1921. — Из архива Л. Тихомирова («Красный Архив» 1924 г., т. VI). — А. В. Прибылев. От Петербурга до Кары. М. «Колос» 1923. — Ф. Кон. На Каре («Каторга и Ссылка» 1922, сб. 3). — П. Ивановская. Страничка из истории Карийской каторги («Каторга и Ссылка» 1923 г., № 5). — Автобиографическая записка С. Ширяева, («Красный Архив» 1924 г., т. VII).—Н. Тютчев. Воспоминания и статьи, т. II, 1926.

В основу настоящей биографии, кроме печатных источников, легли устные воспоминания А. В. Якимовой и некоторых из ее товарищей по революционной работе.

КАБИНЕТ

Цена 20 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 Г. НА

ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ

журнала „КАТОРГА и ССЫЛКА"

52 номера в год (каждый номер размером 32 стран.).

Дешевая Библиотека имеет своей задачей дать в доступной форме для самого широкого круга читателей изображение отдельных этапов и моментов истории русского революционного движения, биографии революционных деятелей, а также репрессивной политики самодержавия (казни, каторга, тюрьма и т. д.).

ВЫШЛИ:

1—2. **Феликс Кон**—„Пролетариат". С 26 портрет. . . **30** коп.
3. **Викторовский**—А. И. Ульянов . . . . . **10** »
4. **Г. Лурье**—А. А. Костюшко-Валюжания . . . . . **10** »
5. **Первое мая в тюрьме и ссылке.** Сб. воспоминаний. **10** »
6. **Г. Г. Сушкин**—Маевки прошлого. Воспоминания о маевках в 1901 и 1902 г.г. . . . . **10** »
7. **В. Катин-Ярцев**—Историческая стачка (1896) . . **10** »
8. **Ю. Бочаров** — Е. О. Заславский. Основатель «Южно-Российского Союза Рабочих». С порт. **10** »
9—10. **Н. М. Дружинин**—А. В. Якимова (Кобозева). Член Исп. Ком. «Народной Воли». С порт. **20** »

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 год—52 номера—4 руб. 50 коп.
„ ½ года—26 номеров—2 руб. 50 коп.
} С доставкой и пересылкой

Подписку направлять в контору изд-ва всесоюзного о-ва политкаторжан.

Москва, Лубянский пассаж, 32, тел. 3-64-37